

С. Г. БОЛОТОВ, И. А. ПИЛЬЩИКОВ

О «СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ»
(Несколько замечаний и дополнений к статье Ю. С. Степанова)

Статья Ю. С. Степанова представляет собой реконструкцию предис-
тории и беглый обзор дальнейшей семантической эволюции одного из
ключевых «концептов» русской культуры — понятия 'Слово'. С точки
зрения автора, дописьменная история концепта равнозначна этимологи-
и выражающих его слов. Любая этимология есть (зачастую много-
ступенчатая) р е к о н с т р у к ц и я развития не только формы, но и
з н а ч е н и я. Так, исп. *querer* 'хотеть, любить, требовать' (ср. суш.
querer 'любовь') материально, то есть э т и м о л о г и ч е с к и, тождественно лат. *quaerere* 'искать, требовать, расспрашивать'. Теперь
представим себе на секунду, что письменная фиксация латыни не име-
ла места или просто до нас не дошла (например, вся римская литера-
тура сгорела вместе с Александрийской библиотекой). Вместо обра-
щения к «готовому» праязыку нам пришлось бы «вручную» реконструи-
ровать прароманские формы и, что самое интересное, их значения (не
станем углубляться здесь в действительно серьезную проблему, на-
сколько отличается латынь, будь то классическая или народная, от
прароманской реконструкции). В этом случае чувственный и даже
эротический компонент исп. *querer* неминуемо переполз бы в нашу
бесписьменную латынь.

Если же, допустим, литов. *kvõsti* (*kvõšcia*, *kvõtè*) 'расспрашивать, допрашивать, дознаваться; просить, умолять; предчувствовать, догады-
ваться, подозревать' [а также *kvõšti* (*kvõšia*, *kvõšé*) 'много говорить, канючить, выпрашивать'] этимологически родственно лат. *quaerere*, то, согласно логике, принятой в статье Ю. С. Степанова, мы обязаны приписать индоевропейскому корню не только значение 'расспраши-
вать', а также 'искать', 'требовать' и еще полдюжины п р о и з в о д -
н ы х, развившихся на латинской почве, но и в с е значения, которые
появились в романских языках и в литовском.

В подтверждение того, что и.-е. **kleu-* выражает идею не только
«слушания», но и «говорения», Ю. С. Степанов приводит список
форм, в котором особое место занимает только литов. *kláusti* 'спраши-
вать'. Лишь с натяжкой можно назвать *спрашивать* глаголом говоре-
ния, особенно если учесть дезидеративный формант **-s-* в балтийском

**klaus-* (литов. *kláus-*, латыш. *klàus-*) < и.-е. **k̑leu-s-* и специфически балтийское развитие дезидеративного значения: 'хотеть слушать' > 'спрашивать'.

Вызывает сомнение и то, может ли предложенная Бенвенистом интерпретация индоевропейского **bheidh-* послужить основой для р е и н т е р п р е т а ц и и семантического поля этого корня в терминах «круговорота». «Внушение доверия» является актом принуждения и не подразумевает «запроса доверия», а «ожидание» в состоянии «внушенного доверия» не ведет к обмену ролями и лишь утверждает исходное неравенство партнеров.

Ассоциации семантических полей ставят, уже на другом уровне, сходные проблемы: на каком основании может быть постулировано единство группы понятий и каков характер интерконцептуальной связи? Вряд ли можно предположить, что содержательное отношение **k̑leu-* к **ȗek̑-* или **ȗeg-* качественно сопоставимо с отношением того же **k̑leu-* к корню **ȗāt-*, базовым значением которого является 'неистовство'. Должны ли мы (и если да, то на каком основании) игнорировать поля-медиаторы с их семантическими валентностями ('исступление', 'пророчество', 'поэзия' и др.)? Ответ найти или слишком трудно, или (что в данном случае то же самое) слишком легко; описание полей как «разграниченных» и «связанных» носит заведомо субъективный характер: «по смыслу» всё связано со всем — внутри семантического континуума непроницаемых границ нет.

Принцип произвольной селекции и комбинации материала Ю. С. Степанов распространяет и на интерпретацию исторических фактов. В частности, рассматривая эволюцию слова и термина *филология* (vs. *мизология*, *философия* и проч.), автор фактически игнорирует римскую культуру. Между тем, например, «филологией» («<...> philologiae nostrae <...>») называл свои занятия Цицерон (Att. 2.17.1); быть «филологом» («Nos ita philologi sumus <...>») значило для него быть любителем наук, проявлять интерес к самым разным видам деятельности вплоть до ремесел [Q. fr. 2.8(10).3]. Таким образом, римской культуре было не чуждо александрийское представление о филологии как мультидисциплинарной эрудиции, предвосхитившее позднейшее понимание филологии как энциклопедии наук. По свидетельству Светония (Gram. 10), Луций Атей вслед за Эратосфеном принял имя Филолога (philologi appellationem assumpsisse), поскольку занимался многочисленными и разнообразными науками (multipliciter variaque doctrina). С другой стороны, у Сенеки Младшего (Epist. mor. 108) мы находим противопоставление философии и филологии, в котором послед-

няя понимается как дурная привязанность к словам, к умствование, как ложная философия («<...> quae philosophia fuit, facta philologia est»). Сенека-философ, без сомнения, был важен и для своего времени, и для христианской эпохи, и для русской культуры XIX в.; тем не менее, этот и подобные ему примеры в статье не приведены — видимо, потому что они не «отражаются» в современном состоянии концепта 'Слово', как оно видится автору.

«В поисках» русской синхронии Ю. С. Степанов превращает европейскую диахронию в индоевропейскую панхронию. В результате такого описания создается некая внеисторическая и вненациональная а х р о н и я, уничтожаются время и история, теряется национальная специфика. В русскую культуру проецируется разнородный общеевропейский материал, ей безоговорочно приписываются характеристики других культур — тем самым она de facto преподносится как «вершинный» синтез, как высшая и последняя стадия европейской, а в пределе и мировой культуры. В то же время это приводит к пренебрежению собственно русским материалом (который оказывается «ненужным», мешает своей «этнографической» локальностью): как это ни парадоксально, в статье о «русском концепте» практически нет русских примеров.

О законах семасиологической эволюции, определяющих специфику русских понятий в их развитии и в их отличии от инокультурных синхронных состояний, речь даже не заходит. Предустановленная схема делает выводы исследователя заранее предсказуемыми: из нерасчлененного «доисторического» единства любой концепт переходит в стадию несвязанной раздробленности («историческое»), которая снимается в дифференцированном единстве современной («русской») культуры. Если эта (романтическая) схема не выдерживает столкновения с фактами, то (как говорил еще Гегель — великий завершитель этой традиции) «тем хуже для фактов». Такой подход по сути а н т и ф и л о л о г и ч е н, поскольку в принципе исключает возможность п о н и м а н и я фактов культуры в их исторической уникальности.